Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбирае ся въ бюрѣ дирекцiи книгопечатной Института Ставропигiяньского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 11. Львовъ, 9 Березня 1856. РОКЪ IX.

ЧЕРНЕЦЪ - ОПОКА.

(продолженѣе)

I.

Сталъ опрышокъ остолпѣлый
Якъ бы чудомъ скаменѣлый.
Скракалъ въ лѣсѣ чорный крукъ,
Выпалъ острый ножъ изъ рукъ.
„О мой Боже милостивый!
Скрикнулъ въ голосъ розпучливый.

Такъ тяжкои зазналъ кары.
Мѣсяцъ зъ болю зайшолъ въ хмары;
А опрышокъ то зъ розпуки
Покаляны ломалъ руки,
Шпурнулъ торбовь съ грошьми въ ровъ,
Обнялъ студенъ трупъ отцовъ,
Отирае половь свиты,
Радъ бы трупа оживити.

Гайдамаха несчастливъ,
Долго трупа такъ тулилъ,
Цѣловалъ въ руки и въ ноги
Взялъ го съ плачемъ изъ дороги,
Где рѣднѣлъ, кончился лѣсъ
Тамъ онъ умерца занесъ;
Розкопавши сыру глину
Поклалъ въ яму старовину.
Та ще закимъ завиднѣло
Погребалъ отцеве тѣло;
А якъ скоро насталъ день
Зрубалъ дуба по самъ пень,
Поклалъ крестъ, посѣялъ руту,
Й прiодѣлся за покуту
Чернца долговь чорновь свитовь;
Съ саблевь, кровiю отца змытовь
Въ чорной свитѣ безъ чоботъ,
Чернцемъ шлялся въ Божiй светъ.
Лиху памятку розбою
Мечь сполоковалъ слезою.
Весь неправедный забытокъ
Роздалъ нищимъ на пожитокъ,
А всѣмъ людемъ у недузѣ
Кождой хвилѣ былъ въ послузѣ.
Неразъ рачки о полъ мили
На колѣнахъ лѣзъ къ могилѣ. [к. с.]

ПЕТРО ПЕТРОВИЧЪ II.

ВЛАДЫКА ЧОРНОГОРИИ

образецъ начеркненъ ведля его розговоровъ докторомъ Карара.

(докончене)

Дня 23 червня т. р. сойшолъемъ ся послѣдный разъ съ владыкою, понеже онъ скоро потомъ отъѣхалъ до Трїесту для оупотребленїя морскихъ купелей. Мы забавляли ся долгїй часъ. Онъ говорилъ о исторїи Чорногоры и о примѣренномъ способѣ, по якимъ до ней матерїалы сбиратися маютъ. Должнобы въ томъ предпринятїю, мнѣлъ онъ отъ села до села ходити, отличающїися мѣстца и побоевища начерковати, многїи находящїися преданїя въ народѣ сбирати, та и пѣсни народны такожь не понехати; потомъ треба бы все отписовати, що лишь розличны книгохранилища въ Европѣ, именно во Венецїи, Римѣ, и С. Петербурзѣ, вразъ съ далматинскими архивами, о исторїи

Черногоры содержають; наконецъ должно-бы перегланѹти письма Петровича „Vialla de Sommiéres," Милаковича и тїи отъ Сте-фановича.

— И письма Вилкинсона, придалъ ꙗ.

— Да тихъ, отповѣлъ скоро, „лишь не тїи отъ Гейнриха Стиглица.

Изъ долгого, многїи предмета обойма-ючого розговорѹ, понялъ ꙗ: его поднесе-нїе генїꙗ Лорда Палмерстона, характера Томазїꙗ, высокого образованїꙗ барона Ма-ендорфа, енергїю графа Стадїона, также его восхищенїе для Венецїи, его неѹдоволь-ствїе, которе ни словами ни напрасными движенїями не объявлалось, неѹдоволствїе про нарѹгательны письма касающїися его особы; его постоꙗнне мнѣнїе было: Черно-горцы николи христїанинѹ, но лишь тѹр-кови головѹ оттинали; до того придалъ еще тое постереженїе, що если герцогъ Ра-гѹзы о Ваграмѣ собѣ пригадалбы, ꙗвно и о Черногорѣ не забылбы, и. п.

Вѣра и героисмъ, мовилъ онъ, то сѹть двѣ соединены опоки, сѹть то двѣ жи-зненныи стихїи моего народа. Героисмъ под-жигае и оживлае чѹвство мести сѹпро-тивъ бисѹрмановъ, въ томъ взглядѣ дол-женъ ꙗ полагати на библїи: „Тою бо мѣ-рою, еюже мѣрите, возмѣрится вамъ" (лѹ. г. 6 с. 38); но прежде всего болѣлъ надъ тимъ що религїйне чѹвство стаеса осле-пымъ.

Коли спомнѹлъ о борьбѣ при Косово, запыталъ ꙗ, чи заржалъ ли снова разъ въ послѣдномъ времени, конь Кралевича?

Онъ срозѹмѣлъ мене сей часъ и от-казалъ:

— Нѣтъ! але ей Богѹ бѹде ржати!

— Чи есть ли кто, щобъ перечиталъ мистичны слова на саблѣ Марка? запы-талъ ꙗ.

— Тотъ ще оуродитися долженъ, от-вѣтилъ онъ.

Стогда ꙗ съ нимъ пращался, оустискалъ частѣйше мою рѹкѹ, а менѣ видѣлось, що оустискаю рѹкѹ стѹденого трѹпа.

Колько розговорѹ моего съ владыкою. Жизнеописанїе его дасть ся теперь, коли читатели въ немъ мѹжа познали, корот-кими чертами начеркнѹти:

Петро Петровичь родился 1812 года въ Нѣгѹшѣ, и воспитанъ былъ въ Петроградѣ. Въ 30 рокѹ житьꙗ своего избранъ былъ во владыкѹ, и три роки послѣ ꙗко та-кїйже помазанъ. Онъ оумеръ въ Цетинѣ дна 31. Октобра 1851.

Ꙗко самодержецъ совокѹплялъ онъ на-мѣренїꙗ краю своего, съ намѣренїями Россїи, свꙗто кровохищнѹ месть оудержовалъ сѹпро-тивъ бисѹрмановъ, привелъ въ житье внѹ-тренное правленїе краю своего, зналъ всю вер-ховнѹ власть совокѹпити въ рѹкахъ сво-ихъ, сотворилъ сенатъ для предѹсовѣто-ванїй и предложенїй законовъ, розпола-галъ правосѹдїемъ съ очень мѣрными на-логами для народа, оучреждилъ золотый медаль заслѹгъ, народнѹ школѹ и краевѹ печатню.

Ꙗко первосвꙗщенникъ, проповѣдалъ онъ про миръ, про любовь къ непрїꙗтелямъ и свꙗтыи права властности; онъ посвꙗ-щалъ молодцевъ краю своего къ свꙗщен-ники, держалъ ихъ въ подверженности, на-рекъ предшественника своего Петра I. свꙗ-тымъ, и розпорꙗдилъ церковны пѹтеше-ствїꙗ до его гробѹ.

Ꙗко вождъ былъ онъ первый владыка краю своего, который опоꙗсившись мечемъ кровавыи сдобывалъ лавровыи вѣнцы, до сїꙗтелныхъ побѣдъ надъ бисѹрманами велъ своихъ, повелѣвалъ въ розпорꙗженыхъ нимъ ратныхъ стрѣчахъ, стѹпалъ на челѣ

своего войска, но въ самой же борьбѣ не бралъ оучасть, только поднесши крестъ молилъ сѧ и благословилъ своихъ.

Ꙗко поетъ оутворилъ онъ много юнацкихъ думъ, а въ двохъ своихъ драматахъ оучестилъ Стефана I. и рꙋсского Царѧ Петра III.; такожде нашлисѧ межи спадьщиною его лиричны и епичны оутворы.

Послѣ того нехай кождый осꙋдитъ, що онъ былъ, и що край пострадалъ на немъ.

ДОБРО ТОМУ, КОМУ БОГЪ КУМОМЪ.

Народнаѧ повѣсть изъ хорватского.

I.

Было времѧ, когда Богъ и св. Петро по свѣтѣ ходили. Цѣлый день въ посꙋсѣ пꙋтешествꙋючи и оутомившись отъ хода прибыли наконецъ въ нѣкій королевскій городъ, когда по заходѣ солнца первый оуже сꙋмракъ надъ тѣнымъ обшаромъ залѧгалъ. — И пошли оулицами ѩкоголибо прибѣжища глѧдати, щобъ переночовати, и на дрꙋгій день сновь свою пꙋть въ имѧ божое продолжати могли. Но хота очень много трꙋдились и поискивали, однакожь граждане нигде ихъ не принѧли въ гостинꙋ; выглѧдывали бо они мовь бѣднѧки, отъ дороги запорошенны и започенны такъ, що тѧжко было розпознати имъ правого лица, а многіи даже граждане опасались, не сꙋтьли-то подъ бѣдною товь одежею ѩкіи розбойники. Такожь и въ палатахъ нехотѣли вельможи ихъ принѧти; были бо они простаки, замꙋзаны и ободраны, — а надъ сиротою никто кромъ Бога неꙋмилосердитсѧ!

Когда симъ способомъ довольно но бездѣльно находились, дошли напослѣдокъ въ серединꙋ города, где королевскій дворецъ пышно взносилсѧ горѣ подъ облаки, а наꙋпротивъ дороги мало низше стоѧла смиренная колыба бѣдного господарѧ, который съ великимъ трꙋдомъ на день ледви столько могъ си заслꙋжити, щобъ себе и свою — славити Бога! маленькꙋю семью отъ голода лишь сохранити.

Богъ и св. Петро пробовали насамперedъ въ королевскій дворецъ войти; но ледви що ноговь пороги перестꙋпили, тожь вже дворѧне королевскіи немило ихъ на оулицꙋ выверглы. И такъ не осталось ничь иного, ѩкъ лишь къ ономꙋ бѣднѧкови навернꙋтись. Перешедши оулицꙋ остановились передъ воротами господарской колыбы, которы заперты были, понеже гꙋстыи сꙋмраки къ землѣ оуже прилѧгнꙋли.

Пꙋкъ, пꙋкъ... „А кого Богъ провадитъ?" пыталсѧ изъ внꙋтри господарь, который що ино повечерѣлъ.

„Брате! если въ Бога вѣрꙋешь, отвори — есьмы бѣдныи подорожны, трꙋдны и оутомленны, а никто нехоче насъ на ночлегъ принѧти."

Ѳома, такъ звалсѧ господарь, швидко подбѣгъ и отворилъ ворота.

„Богъ и божаѧ помочь съ вами, та добрый вечеръ!" рекъ Богъ вступивши въ домъ.

„Дай Боже!" — отвѣтилъ Ѳома витаючи своихъ гостей, и ввелъ ихъ до свѣтлицы. „Есьмь бѣднѧкъ — продолжалъ Ѳома и тѣсна, ѩкъ видите, моѧ хижина та кромъ сей одной свѣтлицы и одной постели, на которой онъ! жена моѧ тѧжка лежитъ, ничого неимѣю; но если хочете, то можете оу мене переночовати. Принесꙋ вамъ соломы и затоплю въ печи, больше же сдѣлати немогꙋ"

„Славно брате! больше не требꙋемъ; бо и мы бѣднѧки, та стиснемсѧ въ кꙋпкꙋ,

щобъ ино такимъ дѣломъ ночь до завтра провести." — Такъ межъ собою розговоривали нѣкое время, потомъ же Богъ опять промовилъ.

„Брате! если въ Бога вѣрꙋешь, дай намъ щонибꙋдь попоѣсти; цѣлый бо день ни одного коржа неперикꙋсивши есьмы трꙋдны такъ, що и годѣ вже на ногахъ одержатись." На тое Θома болестнымъ голосомъ отвѣтилъ: „Ахъ милыи брата! о одинъ часокъ скорше было вамъ прійти, а радо бы свою вечерꙋ скꙋднꙋ съ вами подѣлилъ; но теперь все надармо, неимѣю бо въ цѣлой хатѣ ни крошечкꙋ хлѣба кромъ одного коржа, въ которомъ больше пепелꙋ якъ мꙋки есть.

„Хорошо! принеси що имѣешь; лꙋчше бо щось якъ ничь, та щобъ ино голодъ насъ вже не мꙋчилъ."

Пошелъ господарь и принесъ коржъ. Богъ взялъ его въ рꙋки, поблагословивши розломалъ въ кꙋсники, и о диво! — коржъ перетворился въ бѣлесенькій хлѣбъ. Св. Петро розꙋмѣлъ, якимъ дѣломъ тое сталось: но Θома такъ зачꙋдовался, що не дерзнꙋлъ даже якоголибо о томъ чꙋдесѣ попытати, та лишь помагалъ за божою принꙋкою хлѣбъ тотъ поживати. Попоѣвши Богъ опять заговорилъ: Охъ! жаждꙋ, кобъ то хоть одная чаша вина была!" И обернꙋлся ко бѣднякꙋ: „По Бозѣ брате! если имѣешь вина, то принеси; Богъ сторицею ти вознагородитъ!" —

„Ахъ милыи брата! за цѣлый годъ немогꙋ си столько заслꙋжити, щобъ по крайней мѣрѣ на свята вина си кꙋпити, тѣмъ меньше на каждый день. Вправдѣ имѣю въ пивницѣ бочкꙋ на десять ведра, которыи колись тамъ добрымъ виномъ наполненны были, — розꙋмѣеся за лꙋчшихъ временъ, якъ теперь; но нынѣ не найдете въ нихъ кромъ паꙋтины и порошни ничь иного."

„Нꙋ! отведи насъ въ пивницꙋ, щобъ мы оувидѣли" — сказалъ Богъ.

Θома вставши отвелъ ихъ тꙋда. Св. Петро оударилъ по днѣ, а бочка зазвенѣла, казалось совсѣмъ есть порожна. Потомъ келѣлъ Богъ Θомѣ, который самъ незналъ, при чемъ стоитъ: „Возьми-но оный пꙋгаръ, та открꙋти чопъ, можебыти якая капля выцѣдится." Послꙋхалъ господарь полꙋизꙋмленный и отвергнꙋлъ чопъ; но о чꙋдо! — изъ бочки протекло хорошо червоное вино.

Понапившись запокотомъ тотчасъ лягли спати, и никто больше изъ нихъ слова не заговорилъ, а за хвилю добрый сонъ всѣма завладѣлъ.

Полночь сближалась, все было тихо; коли наразъ беременная жена въ великихъ боляхъ и мꙋкахъ проникливо вскричала такъ, що св. Петро на тое пробꙋдился, и жаль было емꙋ сироты, которая столько терпѣла. „Господе! Господе! — мовилъ Богꙋ — недай бѣдной женѣ столько мꙋчитись."

На тое Богъ отвѣтилъ: „Выйди Петре на подворье и поглянь по небѣ. — Вышелъ св. Петро изъ хаты, и поглянꙋлъ по небѣ, которое на всѣ стороны засѣянное было звѣздами; а на самой срединѣ съочилъ всѣ военныи снарады: пꙋшки, сабли, ганджары,* пистолеты, хорꙋгви, копья, бꙋздоганы* и пр. Повернꙋвши назадъ розсказалъ Богꙋ все, що ино видѣлъ. „Еще не часъ, щобъ жена родила" говорилъ Богъ, и все опять занѣмѣло.

(П. с.)

---

* штилетъ.

* нѣкій родъ бꙋлавъ (Morgenstern).

КАРТѦРЬ

образецъ изъ жита городского.

(продолженіе)

Несчастливое ризико-банко позбавило его всего гроша, ꙗкій лишь малъ при собѣ, но онъ — онъ не зналъ що дѣлае: онъ былъ въ такой хвилѣ, въ которой и весь свѣтъ покладбы на картꙋ, еслибы малъ его въ своей власти, а самъ пойшолбы и въ найпорочнѣйшое, найогиднѣйшое мѣстце, пойшолбы и въ самое пекло. Несрозꙋмѣтельны слова проворкокалъ Корнилїй, пометавшись опѧть на кресло, и ꙗкъ бы желалъ еще продолжити игрꙋ, похопилъ за карты.

— Бачте но бачте! онъ фантазꙋе, онъ не при здоровыхъ вже смыслахъ; гралбы! гралбы! но ось при рꙋцѣ нѣтъ школѧровъ, которыи засѣливъ до игри при дирѧвой кишени а конто затесаного оловка, озвалъ сѧ одинъ зъ помежи картѧровъ. На тое зареготалисѧ всѣ дрꙋгїи, и не зважаючи на дрꙋжескїи ѹпросины одꙋшевленного Корнилього, отойшли поклонившись ꙗкъ найчемнѣйше всѣмъ присꙋщнымъ.

Загирившїи сѧ въ картахъ грачи, сидѧщїи майже при кождомъ столикꙋ и не звачали на злосчастное приключенїе, ꙗкое отбылось съ Корнилїемъ.

Всѣ его полишили кромъ вѣрного товариша Стꙋлсколо, на которого припадало при кождомъ подобномъ окончєнїю, завести ꙗкъ мовилъ домовь своего занепалого меценꙋ. Въ кавїѧрнѣ кромъ колькохъ ночныхъ волокитокъ небыло вже и живой дꙋши, а незанѧтыи маркиры то дрѣмали по кꙋтахъ, то вправлѧлись въ бильѧрдѣ, щобъ сли прилꙋчитсѧ не повстыдатись маркирского чина. Стꙋлскїй втиснꙋлъ щось Антоневи побирающомꙋ гроши въ кꙋлакъ, Антоній поклонилсѧ, а оба товариши повелисѧ за подбоки на дворъ — на „choraszczyznu."

На мѣстѣ глꙋхо ꙗкъ въ гробѣ. Не чꙋти вже посвистꙋ веселыхъ волокитовъ, не чꙋти торкотꙋ проѣзжаючихъ каретъ, въ окнахъ не мелькаютъ вже свѣтла, лишь гдесь кꙋда то скрозь розсалины оконницъ, то изъ невеличкого окна, пробиралосѧ свѣтло, присвѣдчаючи о неꙋтомимой скꙋпности где котрыхъ людей жертвꙋючихъ большꙋю часть ночи своимъ трꙋдамъ. Где кꙋда догарѧли по рогахъ ѹлицъ лихтарни. Вышовшїй на свѣжїй воздꙋхъ Корнилїй, опамѧталсѧ былъ на хвилю.

— И гдежь мы пойдемо Антосю? чи вже по всемꙋ? — при менѣ нѣтъ — нѣтъ и шелюга? злодѣи! ви мѧ обдерли; — га мантѧри поганы, лайдаки! ошꙋсты! скрикнꙋлъ Корнилїй середъ ѹлицы трꙋтивши Стꙋлского отъ себе, що омаль не запоролъ носомъ въ землю.

— Тихо! опамѧтайсѧ Корнилїй! чи знаешь, що патроль должна насъ сей часъ забрати, а тожь бы красно было длѧ тебе, га? ты знаешь — во Львовѣ неможь по ночи крики выправлѧти, мовилъ перепꙋженый Стꙋлскїй, ꙗвши подчмиленного опѧть за подбоки, и провожꙋючи скоро и дальше.

Оучꙋлъ же онъ не мало и на патроль и на себе, но его слꙋхи очень навыкли были до подобныхъ словъ, не сражались хотьбы и ꙗкими: онъ желалъ лишь завести товариша своего безъ всѣлѧкой напасти домовь, и покласти въ постель. Ѧлежь и и набралсѧ страхꙋ не мало. Майже черезъ всю дорогꙋ кричалъ Корнилїй: мантѧри, безчестныи гонтаи! повернѣтъ менѣ чꙋжїи гроши! обманили и ободралисте мене! и много иныхъ словъ выговорювалъ онъ, которыи мовь полова пойшли на вѣтеръ.

На счастье не стрѣтила ихъ патроль, тожь и завелися якоси до непобѣленого домку подъ цитаделею.

VII.

Былъ хорошій маевый ранокъ. Божое солнце продиралось чимъ разъ выше на небѣ, и озорало своими золотыми лучами все що есть, всѣ закаулки. Въ мѣстѣ не чувствуютъ люди такъ красу погожого поранку якъ на селѣ, где живыи чудеса природы ажь сердцемъ носятъ, духа возхищаютъ и величественны, достойны человѣка производятъ чувства и мысли. Заскрипилися кресты, засіяли бани церквей, а по улицахъ розлялъ ся сновь старый клекотъ и гаморъ. Мой Боже! прецѣжь то мило на свѣтѣ, если христіанинъ встане рано, та съ чистымъ сердцемъ; якась солодкая радость обхопитъ сердце и духа, що все обоймаль, цѣловалбы. Не такъ то зайшло несчастливому Корнилію. Якъ бы въ тяжкой горячцѣ лежалъ онъ, въ той самой свѣтлицѣ, на той самой постели, но въ далеко горестнѣйшихъ обстоятельствахъ нежь прежде. Онъ спалъ, но явно сонъ его былъ мутный и страшный; бо и хвилевы движенія тѣла, хвилевыи ознаки на блѣдомъ троха пожолтѣломъ лицѣ говорили довольно про внутренне состояніе его. Въ комнатѣ было на полъ темно, на полъ ясно. Видко що дѣлалъ Корнилій закимъ поклался, бо и капелюхъ его ажь подъ печью, сурдутъ на подлозѣ середъ комнати, камизелка и штаны подъ постелею, кресла повывертаны, книжки всѣ на подлозѣ, а столикъ бѣднакъ лишь о трохъ ногахъ ажь гдесь тамъ въ кутѣ оперся. Въ другой комнатѣ храпѣлъ твердо Стулскій якъ бы по якимсь балю, накрытый весь съ головою. Колько то было и счастя для Корнилього, доколь еще не очунѣлъ, и не пріишолъ до совѣсти своего отчаянного состоянія.

Гдесь такъ по семой годинѣ войшолъ опять Гацентій сторожъ совершити свою службу, и дивными очима споглянулъ то на панича, то по комнатѣ, то и самъ по собѣ. „Ей не на добре, не на добре такое ведесь и чинится, подумалъ онъ себѣ схитавши головою, и спрятавши порозкиданы книжки, свиты, упорядковавши все, почалъ якъ обыкновенно очищати чоботы. (П. с.)

ЛИТЕРАТУРНЫ ИЗВѢСТІЯ.

* Изъ Будина выйшло першое число „Церковнои Газеты зъ подъ редакціи господина Раковского, въ пользу восточно-католической церкви соединенной съ римскимъ патріаршескимъ престоломъ. Газета тая содержае слѣдующіи статіи: I. Поученія св. Ефрема Сирина. II. изреченія и мысли, выбранныя изъ твореній блаженнаго Августина. III. Корреспонденцію изъ Львова. IV. біографію достопамятныхъ лицъ. V. некрологію. VI. Разныя извѣстія.

Господинъ Раковскій объявляе, що если не присбираеся достаточное число предплатителей, онъ звернувши надосланы ему вже предплаты, оставитись предпринятого дѣла принужденъ буде.

* Тискомъ общества про югославяньску исторію и старину, вышло въ Загребѣ въ печатнѣ дтра Людевита Гая сочиненіе очень важке про югославяньску литературу подъ заглавіемъ: Bibliografia della Dalmacia e del Montenegro. Saggio di Giuseppe Valentinelli.''

Сочинитель той библіографіи, кустосъ книгохранилища у. св. Марка, почтенный членъ общества про югославяньску исторію и старину, занимался ревно сверхъ года собраніемъ дѣлъ до своей книжки, и составилъ ею наконецъ съ допомогою где котрыхъ далматинскихъ и хороватскихъ ученыхъ, которе то сочиненіе совершеннымъ можь назвати. Въ томъ сочиненію находится не лише заглавіе всѣхъ печатаныхъ дѣлъ о различныхъ предметахъ относящихся къ Далмаціи и Чорногорѣ въ якимъ нибудь языцѣ, но въ немъ 4 по-

мянуты суть всѣ статіи печатаны въ розличныхъ новинахъ и временописяхъ, Госп. сочинитель придалъ къ заглавіямъ такожде коротке содержаніе и крытику заглавленыхъ дѣлъ, и обогатилъ ученый свѣтъ такимъ сочиненіемъ, которымъ ползоватися должны всѣ желающіи писати где нещо о Далмаціи и Чорногорѣ; книжка тая содержяе 28 лучковъ печат. пап. но шкода що такъ дуже скудне число ексемпляровъ.

* Въ книгохранилищу госп. І. К. С. въ Загребѣ найшлися двѣ рукописи автографы, знакомы про хорватску и угорску литературу. Перва рукопись содержае латинскіи властноручно писаны пѣсни славутного угорского исторіографа Николая Истванфіа, обывателя хорватскихъ поселеній Виницъ и Паковца. Пѣсни тіи отъ 1564 до 1602 року, писаны суть по большой части или во честь или на смерть высокихъ угорскихъ и хорватскихъ достойниковъ и его пріятелей. При конци рукописи находятся никіи занимательны примѣчанія Истванфіова въ мадярскомъ и хорватскомъ языцѣ. Друга рукопись содержае мадярскій драматъ написаный 1648 года отъ якогось А. К. подъ слѣдуючомъ заглавіемъ: Constantinusak es Viktorianak egymashoz valo igaz szerulmakrül irott Comoedia"

Тотъ драматъ посвященъ есть отъ Ивана Драшковица въ Клиновнику дня 21. сѣчня 1662 князеви Николаю Зрѣнскому бану хорватскому и Кристофу Батяну.

* Сего года выходятъ въ австрійской державѣ 37 славяньскихъ временописей послѣ языка: 16 чешско-слав., 5 хорватско-далм., 3 словенски 3 сербскіи, 6 польскихъ, 4 рускихъ. По содержанію: 7 церковныхъ (4 чешско-слов. 1 хорватска 1 слов. 1руска), 10 политичныхъ (3 чешс. слов. 1 хорв., 1 далм., 2 сербски, 2 поль., 1 руска) 2 науковыи (чешски), 5 забавнопоучителныхъ (1 чешска, 1 хорватска, 1 слов. 2 руски; 4 педагогичныхъ (чешско-слов.) 5 господарскихъ (1 чешска, 1 хорватска, 2 поль., 3 загальнонауковыи (1 слов. 2 поль).

* За 1856 годъ выйшло 38 славянскихъ мѣсяцьослововъ въ Австріи: 20 чешско-слав. 6 сербскихъ, 5 поль. 3 словен. 1 булг. 1 хорват. 1 рускій.

ВСЯЧИНА.

Дня 16 т. м. повила Ей величество Французска цѣсарева сына; папа мае быти кумомъ, а дитя буде христитися іорданьскою водою!!!

* Въ Франціи приключилось, що одинъ мѣщанинъ купилъ домъ за 5125 франковъ; заглянувши въ условія по оконченой згодѣ и выплаченю грошей, якже перепудился коль придыбалъ тое условіе, що купуючи домъ тотъ, обовязанъ буде платити рочно одной женщинѣ въ подойшломъ вѣку по 1500 франковъ. На разѣ тѣшился онъ тою гадкою, що женщина въ подойшломъ вѣку не пожіе долго. Алежь обачивши здорову, жиську, 49 лѣтную невѣсту, омаль не пострадалъ присутствіе духа. И щожь припадало ему въ такъ тяжкомъ падоньку дѣлати? Удался до адвоката, адвокатъ выступилъ съ бесѣдою передъ судомъ и силился доказати, що женщина 49 лѣтна не есть еще въ подойшломъ вѣку, и же про тое закупленье дому есть зничное (nichtig) и не правное. По такихъ переправахъ судіи присудили въ правдѣ купца на заплаченіе квоты, но вопросъ: чи 49 лѣтна женщина есть или нѣтъ въ подойшломъ вѣку доселѣ еще не рѣшеный.

* Въ Неаполю влюбилъ ся страшенно одинъ молодикъ въ одной хорошой паночцѣ, но паночка якось не дуже зважала на его любовны зойки полны чувства и розпуки.

— Ахъ! зоричко моя! воскрикнулъ онъ романтично одной дуже парной днины; и щоже менѣ хибуе, же ты отвертаешь блескъ твой отъ мене?

— Господине! имѣете предолгіи уха, отказала паночка незнаючи якъ спекатись упертого любовщика.

Сей часъ поскочилъ влюбившій ся на смерть молодикъ, и велѣлъ одному хирургови притяти собѣ уха. Перебувши счастливо тую такъ ужасную операцію, скоро лишь уха совершенно зягоилось, удался до паночки. Не знати що она еще прибачитъ на немъ, и якую жертву здѣлае зъ себе загорѣлый во любвѣ молодикъ.

ЗАГАЛНЫ ПРИПИСЫ ДО ПЕРЕХОВАНА ОВОЩЕЙ.

(продолженіе)

Я переховую угорки и червоньо морели въ слѣдуючій способъ. Весною повнлѣваю наробити много обыкновенныхъ матъ изъ житныхъ околотовъ, матъ такихъ, якими прикриваются инспекта; тіи маты должны на сухомъ мѣстци ожедати часу

призначеного. Гдесь такъ коло св. Михаила, велю хлопцамъ обрывати сливки съ хвостиками не отираючи барвы, и злегка въ кошель складати, потомъ зъ сыпаются до соломяныхъ корцевыхъ сусѣковъ, и заносятся до овощискладу где вже въ попередъ розпростерты суть маты такъ, щобы можь помежи нихъ ходити и починающіи ся псовати, выкидовати. На тихъ то матахъ укладаются сливки одна отъ другой на полъ цаля въ отдаленію. Пару недѣль зъ начала, добре заховуются, но листопадъ есть для нихъ найркитичнѣйшимъ мѣсяцемъ особенно въ часѣ великой слоты дуже много плиснѣе; про тое въ томъ мѣсяци должно два разы на день перебирати. 'Но въ той же самой мѣрѣ якъ студень взмагаесь, перестаютъ плиснѣти и гнити, сливки починаютъ корчитись и цукрѣти. Найсильнѣйшіи морозы не лише имъ ничь не вадятъ, но и много возпомагаютъ, но вже по сей часъ плѣснь и сгниль устае совершенно. Въ сѣчни, коли вже нѣтъ сливокъ, берутся маты на которыхъ лежали до прикрываня инспектовъ а до нового употребленія роблятся новыи. Такимъ свѣтомъ я переховую 5 до 6 корцевъ рочне, на которыхъ менѣ николи больше якъ одинъ корецъ не отойде. Особеннымъ есть дѣломъ, що овощъ тотъ найлучше на матахъ изъ житной соломы переховуе ся.

Розличны роды грушокъ маютъ тую неудогодность, що разомъ въ осени достигаютъ и лише черезъ пару недѣль добре переховати датутся, а потомъ кашоватѣютъ; для того на селѣ особенно далеко отъ мѣста, где неможь такихъ овощей скоро продати, нѣтъ больше якъ пару деревъ одного роду въ садѣ ховати. Суть въ правдѣ гдекоторы новѣйшіи роды выведены изъ зернятъ черезъ: „Van Monsa Diela и Schmiedebergera, которы ажь въ сѣчни достигаютъ, но и тіи въ доспѣломъ состоянію ажь просятся ѣстн, понеже скоро вкусность потеряютъ. Грушки должны рватися при погодѣ, и гнеть въ пивницѣ на покладахъ изъ гладко утесаныхъ тертицъ въ отдаленію отъ мура о полъ цаля одна отъ другой складатись.

При рваню грушокъ треба быти на тое прибачнымъ, щобы нхъ николи не класти на купу, понеже то есть овощъ тяжкій, сочистый; въ пачкахъ найстараннѣйше подкладаный горчѣе. Беручи зъ пивницы въ употребленіе, треба щобы въ попередъ нѣсколько годинъ постояли въ студеной комнатѣ, а послѣ того кожду грушку обтираеся бибулою.

Яблоко, тотъ найблагороднѣйшій овощъ, сотвореный есть на долгій переховокъ, онъ може и полтора года въ пивницѣ быти, нестрадаючи ничь на своей добротѣ, и красотѣ. Кто хоче все яблока доборны мати, тотъ долженъ снабдѣти садъ свой въ розличны дуже поздныи отмѣны того овощу изъ школы DieleSchmiedeberga Fürsta и проч. имѣемъ бо сверхъ 2000 отмѣнъ того преимущественного, въ кождомъ взглядѣ не обходимо потребного овощу. Найголовнѣйшимъ дѣломъ що до переховання яблокъ есть тое, щобы якъ найдолше на деревѣ оставалися: кто поквапится, небагато на томъ зыскае: яблоко должне ажь до 1 октобра оставатися на деревѣ. Зимовыи роды оборваны передъ св. Михаиломъ свычайно корчатся, гніютъ или чорнѣютъ. Сбирати должныся въ погодѣ, и укладати такъ якъ грушки на столахъ зъ голыхъ тертицъ до горы хвостиками, безъ жадной подстелки. Розумѣеся що все треба надзирати и надпсованы выбирати. Такимъ свѣтомъ заховаемы яблока, долго треваютъ.

Коли хорошіи столовы яблока въ пожитокъ берутъ ся, должны въ попередъ такъ якъ грушки полежати нѣсколько годинъ въ неопаленой комнатѣ, потомъ кожде окреме обтираеся сухою бибулою. Кто много яблокъ имѣе, тому не возможно буде переховати такъ всѣ; въ тотъ часъ треба отдѣлити найлучшіи роды, и описанымъ способомъ переховати; послѣднѣйшіи можь или сей часъ продати, или верствами поукладати, а ренеты въ пѣску заховати.

ЯКЪ И КОЛИ ОВОЩИ ОБРИВАТИ?

Вже при кождомъ овощи имѣлисьмы случайность напомкнути; якъ и въ которомъ часѣ овощи обрываны быти должны; теперь прійде намъ изъяснити где котры загальны правила, относящіися сбираня овощей, на долгое переховапье призначеныхъ. Свѣдомо що всѣ содержаютъ въ собѣ меньше или больше первоначальниковъ цукру.

(П. с.)

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.